

Берлинский конгресс 1878 г. глазами фанариота Александра Каратеодори-паши

Р. Михнева¹, В. Колев²

¹ Варненский свободный университет им. Черноризца Храбра, Болгария

² Софийский университет им. св. Климента Охридского, Болгария

Статья показывает Берлинский конгресс и события лета 1878 г. глазами дипломата побеждённой Османской империи. Она основана на «Раппорте» главы турецкой делегации на Конгрессе Александра Каратеодори-паши (1833–1906), фанариота с греческими и болгарскими корнями, сына личного врача султана Махмуда II и первого османского юриста, окончившего юридический факультет Сорбонны со степенью доктора наук. До недавнего времени о нём писали больше как о дипломате, но в последние годы турецкие историки обратили внимание на его необыкновенную судьбу, историю его семьи, в которой было много известных фанариотов. «Раппорт» только в последнее время стал привлекать внимание историков. История его написания до сих пор неясна. Он содержит интересные подробности взаимоотношений между представителями коллективной Европы, описывает характер их интересов и факторы, которые определили судьбу Балканского региона на десятилетия вперёд. Доклад создавался османским чиновником в период, когда Балканы стали окончательно «пограничной территорией». Его автор увидел, как геополитические противоречия «больших игроков» толкнули историческую эволюцию местных народов по «колее» будущих катаклизмов. Александр Каратеодори-паша передаёт через мелкие детали наступивший разлад между представителями «коллективного Запада», их желание остановить попытки Османской империи следовать европейской парадигме развития. На фоне событий в Берлине Каратеодори уловил желание участников приступить к быстрейшему разделу «османского наследства».

Ключевые слова: Танзимат, Александр Каратеодори паша, Болгария, Освобождение 1878, международные отношения, Берлинский конгресс, Османская дипломатия, фанариоты.

Историки давно и спокойно воспринимают тот факт, что человек, заглядывая в историческое прошлое, надеется найти ответы на проблемы настоящего и спроецировать их на будущее. Коллективная память, при всей условности этого термина, формирует, в числе прочего, постоянно тлеющие очаги напряжённости. Решения Берлинского конгресса, результаты русско-

УДК: 327.5

Поступила в редакцию: 15.06.2021 г.

Принята к публикации: 10.07.2021 г.

турецкой войны 1877–1878 гг., или Второй Восточной войны, как её называли в России современники, должны были привести к миру. Последующий мирный договор между Россией и Блистательной Портой полностью следовал предписаниям Берлинского трактата, предопределив на десятилетия вперёд судьбу балканских народов. События того периода – типичный пример «эффекта колеи»¹.

Соглашения, достигнутые на Берлинском конгрессе летом 1878 г., послужили основой дальнейшего развития Юго-Восточной Европы, Восточного Средиземноморья и Чёрного моря (Протоколите на Берлинский конгрес 1885; Нарочницкий 1976; Бескровный 1977; Виноградов 1991; Золотарёв 2005; Христов 1968). Восточный кризис 1875–1878 гг. не только стал катализатором череды политических событий, но и поныне формирует основные вехи национальной памяти болгар, сербов, черногорцев, румын, турок, македонцев и других балканских народов. Особенно основательно ход конгресса изучил в своё время советский тюрколог А. Витол, но, несмотря на то, что он пользуется турецкими публикациями и источниками, он тоже не обращал внимания на сочинение османского сановника (Витол 1973).

Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы дополнить существующие представления о Берлинском конгрессе и посмотреть на происходившие там события со стороны Османской империи. За основу исследования мы взяли Доклад Блистательной порте руководителя османской делегации на Конгрессе – фанариота Александра Каратеодори-паши (1833–1906). Он был первым османским юристом, окончившим Сорбонну с докторской степенью по юриспруденции. В последние годы турецкие и греческие историки обратили внимание на незаурядную биографию и историю семьи этого известного дипломата, а также на его болгарские корни².

История Берлинского конгресса обычно изучается на основе европейских и российских источников. Значение Докладной записки османского дипломата Александра Каратеодори-паши в том, что она открывает историкам альтернативный взгляд на течение Конгресса. Записка предназначалась великому визирю Мехмеду Савфету-паше (1814–1883), который вскоре после этого был отправлен послом во Францию (Davison 1979). В только что опубликованной работе о реформах в Османской империи коротко упомянут и Доклад Каратеодори-паши как «другой взгляд» на события в Берлине (Methodieva 2021).

Доклад Каратеодори-паши о Берлинском конгрессе по сей день не очень популярен среди исследователей, поскольку не вполне ясно, как создавался этот документ³. Скорее всего, он был написан по-французски, поскольку в период

¹ См. подробнее: Mahoney 2000: 507–548.

² Информация о болгарском происхождении Каратеодори-паши основана на воспоминаниях его зятя (Efe 2010)

³ Жанр этого документа неординарен. Наиболее близок термин «доклад», как и указано в издании на французском языке, также можно говорить о «памятной записке», отчёте. Мы употребляем в настоящей работе все упомянутые термины.

начавшегося в 1856 г. второго этапа реформ Танзимата⁴ дипломатические документы составлялись на французском⁵. В 1919 г. Доклад Каратеодори опубликовал на французском языке Бертран Баррей (1859–1933), учитель французского⁶.

Автор Доклада и его публикации до настоящего времени не были объектом пристального изучения. Попытаемся сделать первые шаги в этом направлении.

В 1880 г. молодой француз Бертран Баррей, получивший образование в Афинах, был нанят преподавать французский язык наследному принцу Абдул-Маджиду II (1868–1944), сыну султана Абдул-Азиза I, и другим подросткам из семей высокопоставленных османских сановников (Çetin 2010). Со временем Баррей зарекомендовал себя как один из лучших проводников французского культурного влияния на Босфоре. Близость к местному дипломатическому корпусу сделала его важным информатором о событиях в Османской империи конца XIX — начала XX вв.

В 1917 и 1918 гг. во Франции были опубликованы две книги Б. Баррея по истории Османской империи⁷. Затем последовала книга 1919 г. с текстом Доклада. К тому времени интересующий нас документ, переплетённый с судьбой османской элиты и фанариотов, имел уже свою историю.

Сразу после младотурецкой революции 1908–1909 гг. и либерализации печати в 1909 г. Доклад Каратеодори-паши опубликовал Дамад Махмуд Джалаледдин-паша⁸. Это издание считалось оригиналом документа, но никто не задался вопросом, где находится сам оригинал и какова причина его появления через 20 лет после окончания работы Берлинского конгресса. В последние годы исследователи ссылаются также на дополненное картами и иллюстрациями издание (Mahmud Celâleddin Paşa 1983).

Первый издатель Доклада – известный османский сановник Дамад Махмуд Джалаледдин-паша, а второй – авторитетный историк, директор Государственного архива Турции. Махмуд Джалаледдин-паша (Дамад, зять султана), грузин по происхождению, был сыном капудан-паши османского флота. Его вторая жена, Сениха Султан (1851–1931), дочь Абдул-Меджида I (1823–1861, на пре-

⁴ Танзимат — принятое в литературе название модернизационных реформ (и самого периода их проведения) в Османской империи с 1839 до 1876 г., когда была принята первая османская конституция.

⁵ В болгарской историографии, в отличие от российской, определение «османская» относится к имперскому периоду до 1923 г., а «турецкая» – к республиканскому. Это чёткое деление соблюдается по внутри- и внешнеполитическим причинам.

⁶ B. Barreille. 1919. *Le Rapport secret sur le Congrès de Berlin adressé à la S. Porte par Karatheodory Pacha, premier plénipotentiaire ottoman*, Paris. Paris: Editions Bossard. Medlicott W.N. 1938. *The Congress of Berlin and after: A Diplomatic History of the Near Eastern Settlement, 1878–1880*. London. Novotny A. Quellen und Studien zur Geschichte des Berliner Kongresses 1878, Vol. 1. Österreich, die Türkei und das Balkanproblem im Jahre des Berliner Kongresses, Graz-Köln, 1957. S. 359; Jakшић Г. 1955. *Босна и Херцеговина на Берлинском конгресу*. Београд См. также: Маринковић М. 2009. Тајни мемоар Александра Каратеодори-паша са Берлинског конгреса. *Историјски часопис*. Књ. LVIII. С. 249–260. Автор этой работы использовала только последнюю часть документа, посвящённую Боснии и Герцеговине.

⁷ Bareilles B. 1917. *Les Turcs. Ce que fut leur empire, leurs comédies politiques*. Paris: Perrin et Co, Bareilles B. Constantinople. Ses cités franques et levantines. Paris: Éditions Bossard, 1918.

⁸ См. <https://katalog.marmara.edu.tr/eyayin/pdf/F00111.pdf> (accessed 25.08.2021)

столе 1839–1861), сестра султана Абдул-Хамида II (1876–1909). Хотя после вступления на престол Абдул-Хамида II его отношения с сестрой были сложными, влияние Джалаледдин-паши при дворе возросло. Он активно вмешивался во внутривластные дела Порты, особенно в период войны 1877–1878 гг. Поскольку он неоднократно превышал свои полномочия, Абдул-Хамид II снял его со всех должностей. После этого первого кризиса в отношениях с султаном Махмуд Джалаледдин-паша продолжил участие в политической и культурной жизни империи, но через несколько лет после окончания войны в его отношениях с Абдул-Хамидом II случился новый кризис. Ближайшие родственники султана попытались вернуть на престол объявленного слабоумным предыдущего султана Мурада V. За участие в заговоре Махмуд Джалаледдин-паша был приговорён к смертной казни; последовал развод с Сенихой Султан, которая также была причастна к заговору. Приговор всё же смягчили, и после недолгой ссылки в 1899 г. Махмуд Джалаледдин-паша уехал за границу. До конца жизни вместе с двумя своими сыновьями он находился в эмиграции во Франции, в Англии, Швейцарии, Бельгии, на Кипре. Махмуд Джалаледдин-паша проявил себя ярким противником любимого султанского «детища» – строительства железной дороги Берлин – Босфор – Багдад (проект «Три Б»). По своим убеждениям он примкнул к стану приверженцев младотурецкого движения. При поддержке сыновей Махмуд Джалаледдин-паша пытался примирить различные течения в этом движении.

В конце XX в. Доклад, опубликованный в 1909 г. на османско-турецком, а в 1919 г. на французском языках, обрёл вторую жизнь. В 1983 г. появилось фототипное издание (Mahmud Celâleddin Paşa 1983), подготовленное профессором Исметом Мироглу (1944–1997), в то время преподавателем Стамбульского университета, позже – генеральным директором Государственного архива Турции. К сожалению, и в этом издании нет точного указания на местонахождение оригинала Доклада Александра Каратеодори-паши. Однако сам факт подготовки издания и редакция книги Исметом Мироглу, авторитетным историком и руководителем архива, говорит о том, что речь не может идти о фальсификате. Издание 1983 г. существенно отличается от французской публикации 1919 г. Трудно сказать, оригинал ли это, или перевод книги 1909 г., или текст, написанный ещё в 1878 г., или его пересказ. Издание 1983 г. и внешне отличается от публикации 1919 г.: его объём вырос до 744 страниц. Книга, приуроченная к 105-летию Берлинского конгресса, состоит из разделов с главами, параграфами, подпунктами, с добавлением карт.

Наша статья основана на тексте, изданном Б. Барреем на французском языке в 1919 г., именно он обычно используется в европейской и американской историографии. В книге, изданной в Париже в 1919 г., есть отдельные главы, но нет такой чёткой структуры, как в турецких изданиях, особенно последнего от 1983 г. Имеются только большие разделы (главы), которые Баррей дополнил своими комментариями. Первые 60 страниц парижского издания, написанные

Б. Барреем, имеют характер введения к Докладу Каратеодори-паша. Это введение состоит из двух разделов: первый посвящён османским фанариотам и институту драгоманов-переводчиков, второй – Берлинскому конгрессу. Затем представлен рассказ османского паша о событиях в Берлине. Помимо наблюдений османских сановников, присутствовавших на Конгрессе, Доклад показал место нового поколения фанариотов в модернизационных трансформациях империи.

В настоящее время трудно определить, имел ли французский издатель доступ к оригиналу или исходил из текста, опубликованного в 1909 г. Скорее всего, это или авторизированный Б. Барреем пересказ, или публикация оригинального документа, который Каратеодори-паша составил на французском языке. Основание для подобного предположения даёт факт появления машинописной копии Доклада «*Tapuscrit original 1878*»⁹ в описи аукциона. Других данных об этом варианте источника мы не обнаружили. В пояснении сказано, что это оригинальная машинописная копия рассказа о Берлинском конгрессе 1878 г., указан автор Александр Каратеодори-паша. Оговаривается также, что настоящая машинописная копия имеет существенные отличия от публикации 1919 г.¹⁰ Эта информация, конечно, не может означать, что машинописная копия и есть оригинал Доклада, но вопрос требует комментария. Странен сам факт появления машинописной копии в 1878 г. Как известно, именно тогда фирма «Е. Ремингтон и Сыновья» начала массовое производство пишущих машинок. Маловероятно, чтобы они сразу вошли в употребление в МИДе Османской империи, но это не исключено. Александр-паша мог писать на французском языке, языке дипломатии XIX в., на котором он обучался в Сорбонне и активно общался во время Конгресса. Его записку переписали и напечатали, а позже канцеляристы и драгоманы Порты представили в форме Доклада великому визирю и султану – такая традиция существовала. Таким образом появился документ на османско-турецком языке. Возможна и другая версия: после окончания событий, уже на досуге автор расширил свой текст. Всё это только гипотезы. К сожалению, в настоящее время мы не располагаем дополнительной информацией.

Одна из гипотез, которая соответствует общему виду текста, состоит в том, что Баррей, будучи близок к кругу переводчиков Порты и к учителям француз-

⁹ *Tapuscrit original du compte-rendu du Congrès de Berlin, 1878. Alexander Karatheodori Pasha.* <https://www.vialibri.net/years/books/76700365/1878-alexander-karatheodori-pasha-tapuscrit-original-du-compte-rendu-du> 21 04 2021 (accessed 25.08.2021)

¹⁰ Полное заглавие, которое выходит в интернет ресурсе: «Petit In-folio, plein veau de l'époque, deuxième plat fortement tâché, VII + 110 pp, 1878 Empire ottoman : une mise-à-mort annoncée - le tapuscrit de Berlin Ce n'est qu'en novembre 1919 que ce texte redécouvert fut publié intégralement par Bertrand Bareilles sous le titre *Le Rapport secret sur le Congrès de Berlin adressé à la „S Porte” par Carathéodory Pacha, premier plénipotentiaire ottoman. La portée de la conférence de Berlin dans laquelle le chancelier „de fer” usa de toute son autorité, de sa ruse, de sa brutalité pour jouer les chancelleries occidentales et obtint la blessure mortelle de l'Empire ottoman qui, suivant les historiens de l'époque et de nos jours, entraîna les conséquences incalculables sur le destin de l'Europe et sur les conflits futurs. Notre tapuscrit comporte de significatives variations avec le texte imprimé.*»

ского языка, получил доступ к французскому тексту или к его частям, что и объясняет отличия с текстом машинописной копии, которого мы не видели. Вероятно, он и стал основой его публикации. Об этом говорит автор французского издания: «по чистой случайности мне удалось сделать копию» (Barreille 1917: 5).

В издании 1919 г. текст Каратеодори состоит из четырёх тематических разделов. Два из них посвящены канцлеру Бисмарку и открытию Конгресса, третий (с. 91–128)¹¹ называется «Болгария и Восточная Румелия», четвёртый – «Босния и Герцеговина».

По какой причине Доклад был опубликован именно в 1919 г.? Когда в 1917–1918 гг. появились упомянутые ранее книги Б. Баррея, заканчивалась Первая мировая война. В 1919 г. Париж стал центром международной дипломатии, где победители вершили судьбу проигравших. Правила, установленные Вестфальской системой, радикально менялись (Урумов 2014). Посвящая свою первую книгу 1917 г. подданным Британской империи, погибшим в Дарданелльской экспедиции 1915–1916 гг., автор, вероятно, пытался показать связь времён, описывая происходившее в Берлине в 1878 г. Среди причин современной войны на первое место он поставил нерешённые в Берлине вопросы.

В первой части книги 1917 г. Б. Баррей делится впечатлениями от политической жизни в империи; этот же текст приведён в качестве предисловия к книге 1919 г. Помимо прочего, Баррей одобряет идею этнически чистых территорий ради блага Турции: «Я убеждён, что Турция, где будут только турки, станет хорошим государством» (Barreille 1919: 39). Фактически Б. Баррей поддерживал начавшийся в ходе войны процесс изгнания болгар, греков и армян из Османской империи и показывал свою симпатию идее мононационального, этнически чистого турецкого государства в противовес многонациональной османской империи

Публикации на турецком и французском языках отличаются ещё и тем, что в обширном вступлении Б. Баррей излагает своё видение происходивших на Берлинском конгрессе событий. По его словам, французской дипломатии не удалось уловить суть политики Германии в Берлине – начало «натиска на Восток». Он подчёркивает также, что Великобритания не осознавала угрозы превращения Австрии в инструмент германской экспансии. Рутинная в дипломатии чрезвычайно опасна, упрекая участников Конгресса, пишет Баррей (с. 56–57).

Серьёзный недостаток в позиции французского издателя — это его предвзятое отношение к роли и поведению османских делегатов. Он первым сообщил, что делегация Порты состояла из второстепенных чиновников: христианин и принявший ислам немец. Третий член делегации и вовсе не упомянут — это был османский посол в Берлине Саадулла-паша (1838–1891) или Саадула-бей, как он известен по российским источникам. Именно он из-за опоздания первых

¹¹ Здесь и ниже речь идёт об одном и том же документе, поэтому страницы указаны в скобках, а не в примечаниях.

двух делегатов присутствовал на Конгрессе в день его открытия. Предвзятая оценка членов делегации переключалась в позднейшие исследования без анализа ситуации, в которой приходилось действовать османским делегатам. Особенно это касалось личности и профессиональных качеств главы делегации – Александра Каратеодори-паши. Мало того, в первой своей книге 1917 г. Б. Баррей назвал руководителем делегации Мехмеда Али-пашу (1827–1878), бывшего на самом деле вторым турецким делегатом на Конгрессе (Нотоп-Риеке 2014). Эта оплошность, исправленная в книге 1919 г., указывает либо на поспешность автора, либо на то, что он работал с неполным вариантом текста и не был курсе всех деталей происходивших событий.

Доклад был составлен сразу после окончания Берлинского конгресса как своеобразный отчёт. Документ должен был убедить Порту принять достигнутые договорённости и «проглотить» предстоящее подписание окончательного мирного договора с Россией, построенного в соответствии с «инструкциями» из Берлина.

Начнём с общих наблюдений и оценок роли участников в принятии решений. По словам Каратеодори-паши, Конгресс был битвой премьер-министра Великобритании Бенджамина Дизраэли, лорда Биконсфильда (1804–1881), с государственным канцлером Российской империи князем А.М. Горчаковым (1798–1883). Это общепринятое мнение османский дипломат уточняет: Конгресс, по сути, был исключительно «немецким манёвром» (Bareilles 2017: 149).

Особенно ценны наблюдения автора Доклада над политическими уловками участников Конгресса во время дискуссий. По его словам, один из трёх российских представителей на Конгрессе, граф П.А. Шувалов (1827–1889), принявший на себя основную тяжесть битвы по «болгарскому вопросу», опираясь на предварительные договорённости с британцами, недооценил ревнивый взгляд Вены в сторону России и рост её влияния на Балканах. Точно так же он не разобрался в неоднозначности позиции Бисмарка. Между тем неблагоприятный для России ход событий предполагали многие современники (Bareilles 2017: 158–159). Знаменитый русский писатель И. С. Тургенев за четыре месяца до начала Конгресса писал: «Контрданс наш с Англией только что начался; запутаннейшие фигуры – впереди. Бисмарк, по-видимому, хочет ограничиться ролью «тапёра»: пляшите, мол, голубчики, а мы посмотрим»¹².

«Коллективный Запад» – современная выразительная, но предельно неточная формулировка, если её применить к Берлинскому конгрессу. В ходе Конгресса стало понятно, что у каждой европейской державы есть конкретные скрытые претензии к России. Каратеодори-паша заметил, что англичане не соблюдают ранее достигнутых с П.А. Шуваловым договорённостей. Османские делегаты убедились также и в том, что их надежды на безоговорочную поддержку Лон-

¹² Цит. по: Берлинский конгресс. <https://histrf.ru/lenta-vremeni/event/view/bierlinskii-konghriess>

дона рухнули. Все устные заверения и договорённости, достигнутые в ходе заседаний, в дальнейшем игнорировались, и турецкие делегаты оставались без союзников, им лишь сообщали о тех или иных изменениях в решениях Конгресса.

Подчеркнём, что партнёрами европейских переговорщиков были не второстепенные чиновники, а незаурядные государственные деятели Османской империи – Александр Каратеодори-паша и Мехмед Али-паша. Оба они – ближайшие соратники одного из главных идеологов реформ Танзимата Мехмеда Эмина Али-паши (1815–1871). Человек высокообразованный, эрудированный, знавший европейскую культуру, языки и политику и выступавший за равноправие религий и национальностей, Мехмед Эмин Али-паша был влиятельной фигурой в империи. В 1852–1871 гг. он пять раз занимал пост великого визиря, был министром иностранных дел, послом в Вене и в Лондоне, руководителем турецкой делегации на Парижских мирных переговорах.

Однако европейские участники Конгресса и особенно канцлер Бисмарк воспринимали османских коллег, а также действия Блистательной Порты через прочно укоренившиеся стереотипы. Поскольку даже в теории возможность реформирования османского общества представлялась европейским участникам Конгресса абсурдной, речь шла лишь о территориальном разделе турецких владений.

Александр Каратеодори-паша – представитель одной из выдающихся фамилий «новых» фанариотов, которые вошли в состав османской элиты после Греческого восстания (1821–1829) и де-факто реализовали Танзимат. Он считал себя последователем двух традиций: новой, прозападной, и старой, требовавшей от высокопоставленного османского чиновника хорошей образованности. Несмотря на сложную историю отношений между Портой и фанариотами, обе стороны постепенно достигли консенсуса, без которого едва ли можно представить себе начало и ход Танзиматских реформ. Судьба Александра Каратеодори связана именно с этими переменами в империи.

В публикациях современников говорится, что со стороны отца его семья – болгары из окрестностей г. Эдирне (Адрианополь), с. Боснакьой (Bosnaköy), и местного предка звали Тодором, лишь позднее к фамилии добавили «Кара» – Чёрный. Отец Александра Стефан Каратеодори (1789–1867) рано остался сиротой. При поддержке епархии Эдирне он получил медицинское образование в Пизе. Вернувшись в Эдирне, Стефан приобрёл авторитет среди сограждан. Гонения на православных греков после восстания 1821 г. подтолкнули его, при поддержке влиятельных покровителей, к переезду в столицу. С 1827 г. он стал врачом при дворе султана Мехмеда V. До 1867 г. Стефан Каратеодори преподавал на французском и турецком языках в военно-медицинской школе «Мектеб-и-тиббие-и-Шахане», построенной по приказу султана Абдул-Хамида II. Всё это время он поддерживал тесные контакты с патриархатом, принимая участие в подготовке нового Устава Константинопольской Патриархии. Его энциклопедические и лингвистические знания впечатляли современников. Мать Александра Люсия Маврокордато (1812–1884) – наследница двух известных фанариотских и

валашско-молдавских семей Маврокордато и Мурузи, женщина хорошо образованная и социально активная. В середине 1875 г. она возглавила попечительский совет расположенной в Стамбуле школы для девочек Ζάπλειο Παρθεναγωγείου, открытие которой финансировали богатые меценаты Константинос и Евангелус Запасы. Школа распахнула двери в сентябре 1875 г. и сразу приобрела популярность среди греческой и православной общин столицы благодаря Калиопе Кехая, возглавлявшей школу до 1890 г., которая была широко известна как педагог и деятельница феминистского движения. Жена Александра, Кассандра Мусури (1850–1936), происходила из семьи высокопоставленных чиновников и дипломатов. Её отец Павлос Мусури был князем Самоса и послом в Вене с 1866 по 1873 гг. Дядя Кассандры Коста Мусури был османским послом в Афинах в 1834–1848 гг. После окончания русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Кассандра Каратеодори была награждена султаном Абдул-Хамидом II за свою благотворительную деятельность; этой чести удостоились только три немусульманки. Из семерых детей супружеской четы Александра и Кассандры младшая дочь приходилась снохой деятелю болгарского Национального Возрождения Гавриле Крыстевичу – это был радетель за церковную независимость, член султанского Дивана, Директората Восточной Румелии и её генерал-губернатор до объединения с Княжеством Болгария в 1885 г. Таким образом, образование и семейные связи помогли Александру реализоваться на дипломатическом поприще (Efe 2010; Georgiadou 2003; Akrinar 2015) После непродолжительной работы переводчиком Александр в 1852 г. уехал в Париж, где изучал математику, естественные науки и юриспруденцию. По возвращении он был назначен главой Морского суда, а с 1864 г. работал переводчиком в юридическом отделе Суда и в дипломатической службе Блистательной порты. В 1866–1869 гг. на Крите вспыхнуло восстание, получившее широкий резонанс за рубежом, и общественность многих европейских стран сочувствовала грекам. В круг чиновников, которые должны были урегулировать отношения с повстанцами и греческой общиной, османские власти включили Александра Каратеодори. Молодой чиновник участвовал в разработке новых правил управления островом, вёл переговоры с лидерами восстания, согласовывал условия амнистии и сумел добиться для греческого статуса официального языка наравне с турецким. Во время миссии на Крите Александр заручился поддержкой Мехмеда Эмина Али-паши (см. выше).

Активная дипломатическая карьера Александра Каратеодори началась в 1870 г. сразу по окончании миссии на Крите. В 1870 г. он был временным поверенным в делах в османской миссии в России, с 1874 по 1876 гг. был на дипломатической службе в Риме. В то же время он активно участвовал в подготовке и реализации Конституционной реформы¹³. Некоторые историки приписывают

¹³ После Берлина Александр-паша некоторое время в конце 1878 г. занимал пост генерал-губернатора Крита. По возвращении в Стамбул он получил высокий пост в министерстве иностранных дел. С 1885 г. до конца 1894 г. он был князем Самоса, затем вновь назначен губернатором Крита. См. (Efe 2010).

ему авторство речи, которую Абдул-Хамид II зачитал при открытии парламента. Современные исследования биографии А. Каратеодори полностью опровергают утверждение Баррея, будто в Берлин был отправлен второразрядный чиновник. После Б. Баррея в западной историографии второй половины XX в. это ошибочное мнение закрепилось. Утверждалось, будто Александр Каратеодори не справился со своими задачами в Берлине, за что и впал в немилость. Поведение османской делегации и её главы сравнивают с поведением османских делегатов на переговорах о подписании Парижского мира 1856 г. и конференции 1871 г. о снятии запрета на размещение Россией военно-морского флота в Чёрном море. «Трудно представить себе больший контраст с той ролью, которую играют представители Османской империи в Берлине», – отмечала Барбара Йелавич (Jelavich 1973: 113). Такое сравнение полностью вырывает события из их исторического контекста. Спустя десятилетия после окончания Крымской войны отношение к Порте изменилось настолько, что в Берлине с турецкой делегацией можно было обращаться уже недипломатично. Порядок заседаний и выступлений, протоколы, которые должны были вести организаторы Конгресса, а также серия предварительных (формальных и неформальных) переговоров между участниками Конгресса, протекали по-другому и создавали совсем иную атмосферу, чем это было в 1856 и 1871 гг. Изменить ситуацию был не в силах даже столь эрудированный и образованный человек, как Александр Каратеодори-паша. В этой связи напомним, что на его карьере недовольство Порты итогами Конгресса никак не повлияло.

Поведение другого участника делегации – Мехмеда Али-паши – также заслуживает подробного рассмотрения. Присутствие в Берлине Людвиг Карла Фридриха Детруа, он же фельдмаршал Мехмед Али-паша, широко обсуждалось в светских хрониках. На картине художника Антона фон Вернера Мехмед Али-паша изображён рядом с другими делегатами у переговорного стола. Через несколько месяцев после завершения Конгресса, в сентябре 1878 г., он был убит албанскими повстанцами в Джяковице (историческая область Метохия). В своих воспоминаниях А.Ф. Редигер¹⁴ (1853–1920) упоминал о деловой встрече с Мехмедом Али-пашой после взятия Плевны, в которой с российской стороны кроме Редигера участвовал с командир 1-й гвардейской дивизии Оттон (Хотон) Егорович Раух. «Мехмету Али в то время было пятьдесят лет, и он производил впечатление человека интеллигентного и сообразительного», – писал А.Ф. Редигер¹⁵.

¹⁴ Участник войны 1877–1878 гг., в 1882–1883 гг. товарищ военного министра Болгарии при князе А. Батенберге, 1905–1909 гг. военный министр России.

¹⁵ «Мехмет-Али был по происхождению немец; при нашем свидании присутствовал его начальник артиллерии, Штреккер-паша, тоже немец, и разговор состоялся на немецком языке. Подлежавшие обсуждению вопросы были быстро улажены и затем пошла беседа. Мехмет-Али перед тем командовал армией, в состав которой входили войска, оборонявшие Правецкий перевал, и говорил, что у него там были части, никуда не годные; говорили и о других событиях войны и о его собственной службе в Турции, причём он сетовал на то, что только теперь добрался

В Стамбуле включение Али-паши в состав делегации рассматривали как жест дружелюбия, но на деле его присутствие лишь раздражало председательствовавшего на Конгрессе канцлера Бисмарка, а прусские военные старались по возможности игнорировать своего бывшего соотечественника. Один из участников Конгресса охарактеризовал Али-пашу как умного, полностью перенявшего османские манеры человека с ироничной улыбкой, которому не следует доверять (Hotopp-Riecke 2018)¹⁶: таким образом сработало стереотипно негативное восприятие «восточного человека».

В итоге, вопреки ожиданиям Порты, присутствие Али-паши скорее препятствовало нормальному ходу дискуссии. Это была очевидная ошибка третьего члена турецкой делегации, посла Порты в Берлине Саадулла-паши, который не сумел прозондировать мнение немецкой стороны по поводу желательности присутствия на Конгрессе Мехмеда Али. В Берлин приехал принявший ислам немец, свободно владевший несколькими языками, с хорошим военным образованием, что он несколько раз доказывал в дискуссиях по поводу размежевания границ. Начальное образование он получил в родном Магдебурге. В 1843 г., в возрасте 16 лет, он бежал с немецкого судна во время стоянки на Босфоре. Юношу спасли слуги Мехмеда Эмина Али-паши (о нём см. выше), ставшего его покровителем. Усвоив турецкий язык, молодой немец в 1846 г. поступил в военное училище, а в 1853 г. – на военную службу. Он хорошо зарекомендовал себя в Крымскую кампанию и добросовестно выполнял военные поручения в дальнейшем. В русско-турецкой войне 1877–1878 гг. в звании фельдмаршала Мехмед Али-паша был главнокомандующим турецкими войсками к северу от Балкан, за плохое руководство которыми подвергся резкой критике. После падения Плевны ему было поручено организовать защиту Константинополя. Для этой цели он сформировал армию, но уже 9 января 1878 г. получил приказ начать переговоры о перемирии (тогда и состоялась описанная выше встреча с Реддингером). Затем последовал Берлинский конгресс, где «Турок унижали на каждом шагу. Во время одного из официальных балов конгресса немецкий оркестр подготовил оригинальную музыкальную программу с пьесами каждой из семи стран-участниц. Но музыканты отказались играть турецкую музыку и вместо этого предложили «March a la Turk» и марш Доницетти. Это одно из меньших унижений, которые им пришлось проглотить»¹⁷ (Глени 2013).

Возвращаясь к руководителю османской делегации, отметим, по мнению Александра Каратеодори, подписанный в Берлине договор стал результатом дипломатии Бисмарка и его негативного отношения к Порте. В тексте Записки

до чина маршала.... Оказалось, что наш хозяин пишет немецкие стихи; он нам прочёл несколько из них...» (Редигер 1999: 101–102).

¹⁶ Hotopp-Riecke M. *Der Pascha aus Magdeburg: Reflexionen. Irritationen. Der Weg des Magdeburger Hugenotten Ludwig C.F. Detroit inspiriert noch immer. Hugenotten*, 85. 2018/2. P. 51–71; Detroit (Detroy), Ludwig Carl Friedrich (Mehemed Ali-Pascha)

¹⁷ Цит. по: Gundermann I. 1878. *Berlin als Kongreßstadt*, Berlin. 103 n.v.

канцлеру посвящена отдельная глава (с. 65-73), где Каратеодори пишет о категоричных высказываниях Бисмарка, не скрывавшего, что считает внешнюю политику Османской империи «неэффективной и примитивной» (с. 70). По словам османского дипломата, Бисмарк, руководствуясь собственными мотивами, не только не оценил усилия Порты по европеизации Османской империи, но и неоднократно демонстрировал презрительное непонимание ситуации на Востоке в целом. Следствием такой политики стал, в частности, запрет предоставлять права куцовалахам, как это было гарантировано прелиминарным Сан-Стефанским договором от 19 февраля (3 марта) 1878 г., составленным графом Н.П. Игнатьевым (1832–1908) (Hertslet 1878: 2672, 2696; Alben:187, 201; Стефанова: 147, 155)¹⁸. По мнению Каратеодори-паши, отказ Бисмарка обсудить ситуацию с кавказскими лазами и «армянский вопрос» показал, что канцлер столь же поверхностно вникал и в «болгарский вопрос». Каратеодори, за спиной которого была успешная миссия по наведению порядка на острове Крит (см. выше), видел в германском канцлере политика с серьёзным дефицитом знаний по Востоку в целом, в частности по менталитету местных народов, их культуре и традициям. В отличие от России и Англии, для которых Чёрное море и Кавказ оставались чувствительной зоной соприкосновения интересов, прусский канцлер плохо понимал специфику Востока (с. 71).

Руководитель турецкой делегации быстро оценил ситуацию, осознав, что обо всех решениях за спиной османских делегатов договариваются ещё до начала заседания. Начав сам действовать в этом ключе, он пытался объяснить Бисмарку, что Porta подготовила и проводит глубокие реформы. В ответ канцлер заявил, что никакие реформы не помешают соглашениям, достигнутым правительствами европейских стран (с. 80).

Как выяснилось, Великобритания и Россия зафиксировали свои позиции и договорённости в заключённом 18 (30) мая 1878 г. предварительном соглашении, по которому Россия приняла британское предложение ограничить будущую Болгарию территорией от Дуная до Балканского хребта (Айрапетов 2006: 34). Вена была проинформирована об основных моментах переговоров графа П.А. Шувалова в Лондоне по этому вопросу (с. 79) и сразу согласилась с предложением Лондона. Об этом стало известно и османским посланникам. Зачастую делегаты Порты узнавали о достигнутых договорённостях из берлинской прессы, а также из городских слухов: «часто мы не знали, о чём они договорились»¹⁹ (с. 93), – сказано по этому поводу в Докладе. Любые попытки османских делегатов каким бы то ни было образом повлиять на характер принимаемых решений пресекались участниками Конгресса. Бисмарк грубо и бесцеремонно заявил А. Каратеодори-паше: «Если вы воображаете, что конгресс собрался ради Осман-

¹⁸ См. подборку в тексте Договора

¹⁹ В тексте «nous ne saurions dire au juste en quoi ces pourparles ont consisté».

ской империи, то вы глубоко заблуждаетесь. Сан-Стефанский договор остался бы без изменений, если бы не затрагивал некоторых вопросов, интересующих Европу» (Чернов 1984: 103; Генов 1928: 49). Каратеодори стало понятно, что Конгресс нацелен на ревизию итогов войны, зафиксированных в Сан-Стефанском договоре, а интересы Порты вообще не принимаются во внимание. Скоро история показала, что уже в Берлине Союз трёх императоров де-факто развалился: общность интересов Петербурга, Вены и Берлина была иллюзорной.

В своих оценках Каратеодори справедливо исходил из того, что во время Конгресса дипломатия была сведена к минимуму, а решения принимались участниками вне зала заседания. Устные инструкции великого визиря турецкой делегации содержали пять пунктов, из которых первые два касались «болгарского вопроса», в частности, границы между Княжеством и Восточной Румелией, а также сохранения Варны в составе империи (с. 83). А. Каратеодори признавал, что он не сумел выполнить главное указание Порты – отодвинуть рассмотрение «болгарского вопроса» на задний план. Письменные возражения османских дипломатов не были зафиксированы в протоколе заседаний Конгресса. Опытный дипломат, Каратеодори-паша описал странный способ составления протоколов как части основной документации Конгресса. Протоколы и Договор, который проистекал из них, в большей части были выражением его идей [Бисмарка], его желаний, а очень часто и его торопливости. Протоколы велись странно, неточно, окончательный вариант не зачитывался перед участниками, их окончательная версия не принималась всеми делегатами (Barreille 1917: 150). Между тем эти записи имели большое значение, поскольку на их основании предстояло подписывать мирный договор с Россией. Для Каратеодори и его коллег казалась естественной возможностью по крайней мере выразить своё мнение, но это если и происходило, то лишь в частных беседах, не приносивших реального результата.

Конгресс протекал как театрализованное представление по сценарию, включавшему и секретную дипломатию, и частные договорённости, и пустые многословные речи, предназначенные для того, чтобы камуфлировать достигнутые ранее договорённости – например, о том, что османские войска покинут Варну, в то время как делегаты Порты ждали, что им предоставят право защитить свою позицию, отличную этого предложения. Позже в приватной беседе граф П.А. Шувалов сказал А. Каратеодори, что российская делегация не могла открыто признать, что идёт формальный спор о Варне, тогда как её судьба уже предрешена (с. 86). Каратеодори-паша отмечал, что после решения этого вопроса российские делегаты вообще перестали обращать на внимание на османских, решив, что те полностью зависят от англичан (с. 86). О том, что Порта утрачивает Варну и Софию в обмен на стратегически важные долины рек Места и Струма, впадающих в Эгейское море, члены османской делегации узнали лично от Бисмарка. Эта территория оставалась под властью Порты, уменьшая территорию Восточной Румелии. В мемуарах А. Каратеодори-паша записал, что

в ночь с 15 на 16 июня «со шлемом на голове» в 21.30 их посетил канцлер. Этому посещению и истории с отказом от крепости Варна Каратеодори посвятил несколько страниц. Для него произошедшее было одним из важных уроков, о котором он хотел проинформировать Порту, а именно: в Османской империи европейцы не видят равноправного партнёра. За два дня до этого решения в ходе личной встречи с одним из членов английской делегации²⁰ Каратеодори получил заверение в том, что решения по Варне и Софии будут ещё обсуждаться. Дипломаты Порты серьёзно готовились к этой дискуссии, картографические и статистические материалы, между тем как окончательное решение в то время уже было подготовлено. Выступить им не довелось (с. 94–95).

Ключ к пониманию стратегической важности результатов Берлинского конгресса дают слова министра иностранных дел Австро-Венгрии, представителя империи Конгрессе графа Д. Андраши (1823–1890): «Определяя границы, мы должны принимать решения, исходя из стратегических соображений, из этнических – только тогда, когда нет другого выхода» (Глени: 146).

Ценность Доклада Александра Каратеодори-паши заключается в воссоздании чёткой картины того, что происходило на Берлинском конгрессе не только за столом переговоров, но и в кулуарах. Каратеодори оставил доказательство как своего профессионального мастерства, так и того, что Османская империя на Берлинском конгрессе де-факто была уже обречена. Империя потерпела военное и моральное поражение, а султан Абдул-Хамид II никак и не мог поверить в то, что он потерял «половину земли, оставленной ему отцом». Россия, пусть частично, восполнила своё дипломатическое поражение на Конгрессе: вопреки противодействию англичан, она округлила владения в Закавказье присоединением Карса, Ардагана и Батуми; несмотря на потерю Северной Добруджи, отошедшей к Румынии, Россия вернула себе Южную Бессарабию и доступ к Дунаю. Но в последующие годы вектор её внутренней и внешней политики изменился. После смерти Александра II Петербург сосредоточился на решении внутренних проблем, а во внешней политике переориентировался на Дальний Восток и Среднюю Азию. Основная цель де факто всех «партнёров» России на Конгрессе была полностью достигнута: её влияние на Балканах в долгосрочной перспективе удалось ограничить. Александр Каратеодори-паша включил в Записку свою беседу с графом П. А. Шуваловым. По мнению российского дипломата, в Берлине был достигнут максимум возможного: «Ситуация такова, и жаль, если в Санкт-Петербурге этого не поймут. Россия получила небольшую территорию в Азии и Бессарабии и 1/7 влияния в Болгарии. Те, кто не примут этого, хотя бы войны» (с. 120–121).

²⁰ Это был Вильям Генри Ваддингтон, член Сената и госсекретарь по внешней политике, уполномоченный один из членов английской делегации на Конгрессе.

Тень Крымской войны, показавшей, что судьба региона и решение «болгарского вопроса» зависят от сложного переплетения интересов европейских держав, не только не исчезла, но даже сгустилась. В 1880-1890-е гг. России пришлось на Балканах отступить, и регион во всё большей мере превращался в зону, «где на пересечении трансконтинентальных коммуникаций вошли в прямое соприкосновение региональные системы Ближнего Востока, Евразии и Европы, где вступили в сопряжение и религиозные системы ислама и христианства, православия и католицизма. Это предопределило состояние, которое российскими учёными Н. Данилевским и П. Сорокиным охарактеризованы как противостояние двух культур или цивилизаций» (Задохин, Низовский 2000: 6). За Балканами окончательно закрепился статус пограничной территории, где сталкиваются геополитические интересы «больших игроков», а исторические судьбы народов идут по «колее», проложенной в 1878 г., в ожидании очередного катаклизма. Александр Каратеодори-паша смог уловить и отразить в своём Докладе мелкие, на первый взгляд, факты, свидетельствовавшие о противоречиях между представителями «коллективного Запада», об их стремлении остановить попытки османской элиты следовать европейской парадигме развития. Желание приступить к активному «разделу имущества» – территории Османской империи, определяло историю Балкан. Каратеодори-паша обратил внимание на начавшийся процесс реструктуризации международных отношений. Опытный османский чиновник, фанариот, чьи родственные связи обеспечили ему место среди реформаторов Османской империи, смотрел на конгресс в Берлине глазами аналитика и осознал его долговременные последствия.

Об авторах:

Румяна Михнева – доктор исторических наук, профессор Варненского свободного университета им. Черноризца Храбра. 9007 Болгария, г. Варна, к.к. Чайка, Янко Славчев 84. E-mail: r.mihneva@mail.ru

Валерий Колев – доцент, кандидат исторических наук Кафедры истории Болгарии, Исторического факультета Софийского университета им. Св. Климента Охридского. 1504 Болгария, г. София, бул. Царя-освободителя, 15. E-mail vkolev22@abv.bg

Благодарности:

Благодарим нашего коллегу из Института балканистики БАН проф. Орлина Сабева за ценные советы.

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 327.5
Received: June 15, 2021
Accepted: July 10, 2021

Berlin Congress 1878 through the Eyes of Phanariot Alexander Karateodori Pashi

Rumyana Mihneva¹, Valery Kolev²
[DOI 10.24833/2071-8160-2021-4-79-7-25](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-4-79-7-25)

¹ Varna Free University "Chernorizets Hrabar"

² Sofia University St. Kliment Ohridski

Abstract: The article contributes to the historical literature on the Berlin Congress; it shows the events of the summer of 1878 through the eyes of the diplomats of the defeated Ottoman Empire. The primary source for the article is the "Rapport" by the head of the Turkish delegation to the Congress, Alexander Karathéodori Pasha (1833–1906), a Phanariote with Greek and Bulgarian roots, the son of the personal physician of Sultan Mahmud II and the first Ottoman lawyer. He graduated from the Sorbonne law faculty with a doctorate in law. Until recently, Turkish historians wrote about him more as a diplomat. However, in recent years, they started to pay attention to his extraordinary fate, the history of his family, in which there were many famous Phanariots. "Rapport" only in recent years began to attract the attention of historians. The history of its creation is still unclear. It contains fascinating details of the relationship between representatives of a collective Europe at that time, the nature of their interests, and factors that outlined the fate of the Balkan region for decades to come. The report was written by Ottoman dignitaries when the Balkans finally became a "border area." Its author noticed how the "big players"'s geopolitical contradictions pushed the local people's historical evolution along the "path" of future cataclysms. Alexander Karathéodori Pasha conveys, through seemingly minor details, the discord between the representatives of the "collective West" and their desire to stop the attempts of the Ottoman Empire to follow the European paradigm of development. Against the background of the events in Berlin, Karathéodori eased the participants' desires to start the quickest part of the "Ottoman inheritance" and drew attention to the beginning process of restructuring of international relations. He viewed the Berlin Congress analytically and realized its long-term implications.

Keywords: Tanzimat, Alexander Karathéodori Pasha, Bulgaria, Liberation 1878, international relations, Berlin Congress, Ottoman diplomacy, phanariotes.

About the authors:

Rumyana Mihneva – Professor, Doctor of Science. Varna Free University "Chernorizets Hrabar". 9007 Bulgaria, Varna, k.k. Chaika, Yanko Slavchev 84. E-mail: r.mihneva@vfu.bg

Valery Kolev – Associate Professor, Ph.D. Sofia University St. Kliment Ohridski. 1504 Bulgaria, Sofia, Tsar-Liberator Boulevard, 15. E-mail: vkolev22@abv.bg

Acknowledgments:

We are grateful to our colleague from the Institute of Balkan Studies, Bulgarian Academy of Sciences, prof. Orlina Sabeva for valuable advice.

Conflict of interests:

The authors declare absence of conflicts of interest.

References:

Генов Г.П. 1940. *България и Европа. Сан-Стефано и Берлин*. 1878. София: Българска историческа библиотека. 68 с.

Христов Хр. 1968. *Освобождението на България и политиката на западните държави. 1876 – 1878*. София: БАН. 254 с.

Глени М. Реалният Берлински конгрес. *Либерален преглед*. С. 140-157. URL: <http://www.librev.com/index.php/2013-03-30-08-56-39/prospects/europe/2046-2013-05-02-13-01-04> (дата обращения 21.08.2021)

Јакшић Г. 1955. *Босна и Херцеговина на Берлинском конгресу*. Београд: Народна књига. 67 с.

Маринковић М. 2009. Тајни мемоар Александра Каратеодори-паше са Берлинског конгреса. *Историјски часопис*. Књ. LVIII. С. 249-260.

Протоколите на Берлинскиот конгрес. 1885. Прев. и изд. Т. Икономов. София: Книгопечатница Јанко С. Ковачев. 246 с.

Урумев В. 2014. Анализ на меѓународноправното положение на Вестфалскиот мирен договор од 1648 г. *Юридическо списание на НБУ*. №4. С. 56-76.

Акпınar М. 2010. *Bir Tanzimat Bürokrati ve Diplomati Olarak Aleksandır Karatodori Paşa, Selçuk Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Yayınlanmamış Doktora Tezi*. Konya. 270 p.

Акпınar М. 2015. Османли Харичије Назıрлары (1836-1922). *Social ve beşeri bilimler araştırmaları dergisi Güz*. Issue 35. P. 173–205.

Albin P. 1912. *Le traité de San Stefano (19 fevrier/3 mars 1878). Les grands traités politiques*. Recueil des principaux textes diplomatique depuis 1815 jusqu'à nos jours. Paris F.Alcan. P. 187-201.

Barreille B. 1917. Les Turcs. *Ce que fut leur empire, leurs comédies politiques*. Paris: Perrin et Co. 324 p. <https://archive.org/details/lesturcscequefut00bare/page/n5/mode/2up> (accessed 21.08.2021)

Barreille B. 1919. *Le Rapport secret sur le Congrès de Berlin adressé à la S. Porte par Karatheodory Pacha, premier plénipotentiaire ottoman, Paris*. Paris: Editions Bossard. 204 p. <https://archive.org/details/lerapportsecrets00bareuoft/page/6/mode/2up> (accessed 21.08.2021)

Bareilles B. 1918. *Constantinople. Ses cités franques et levantines*. Paris: Éditions Bossard. 422 p. <https://archive.org/details/constantinoplese00bare> (accessed 21.08.2021)

Çetin G. 2007. Le français dans le contexte des réformes en Turquie à la fin du XIXe siècle : un témoignage. *Documents pour l'histoire du français langue étrangère ou seconde*. 38/39. <http://journals.openedition.org/dhfiles/296> (accessed 21.08.2021)

Davison R. 1979. The Secret Report on the Congress of Berlin. *Tarih Dergisi*. №32. Mart Istanbul. P. 639-652.

Der Weg des Magdeburger Hugonotten Ludwig C.F. Detroit inspiriert noch immer. 2018. *Hugonotten*. 85(2). P. 51-71; Detroit (Detroy), Ludwig Carl Friedrich (Mehemed Ali-Pascha) <https://www.deutsche-biographie.de/ppn136192335.html#top> (accessed 21.08.2021)

Efe P. 2010. Bis Osmanlı bürocrati Aleksandır Karatodori pasa Tarih Vakfi. *Toplumsal Tarihi*. №193. P. 83-93.

Georgeon Fr. 1988. La montée du nationalisme turc dans l'État ottoman (1908-1914). Bilan et perspectives. *Revue del'Occident musulman et de la Méditerranée*. №50. Turquie, la croisée des chemins. P. 30-44. DOI : 10.3406/remmm.1988.2252 https://www.persee.fr/doc/remmm_0035-1474_1988_num_50_1_2252 (accessed 21.08.2021)

Georgiadou M. 2003. Expert Knowledge between Tradition and Reform. Carathéodorys: a Neo-Phanariot Family in 19 Century Constantinople. *Médecins et ingénieurs Ottomans a l'âge des nationalismes*. Meropi Anastassiadou-Dumont (dir.). Paris, Istanbul, IFEA, Maisonneuve & Larose, P. 243-294.

Hertslet Ed. 1878. *Preliminary Treaty of Peace between Russia and Turkey. Signed at San Stefano 19 February*, 3 March 1878 (Translation). The Map of Europe by Treaty; which have taken place since the general peace of 1814. With numerous maps and notes. Vol. IV (1875-1891). London: Butterworths. P. 2672-2696.

Hotopp-Riecke M. Der Pascha aus Magdeburg: Reflexionen. *Irritationen*. <http://ikee.lib.auth.gr/record/126790/files/GRI-2011-6867.pdf> (accessed 21.08.2021); <https://paschamd.jimdo.com/biographien/mehmed-ali-pascha/> (accessed 21.08.2021)

Hurewitz J.C. 1961. Ottoman Diplomacy and the European State System. *The Middle East Journal*. XV/2. P. 141-152.

Jelavich B. 1973. *The Ottoman Empire, the Great Powers and the Straits Question 1870-1887*. Ontario: Indiana University Press. 209 p.

Mahmud Celâleddin Paşa. 1983. *Mir'at-ı Hakikat*. Haz: İsmet Miroğlu. İstanbul: Berekât. 739 s.

Mahoney J. 2000. Path Dependence in Historical Sociology. *Theory and Society*. 29(4). P. 507-548.

Medlicott W.N. 1938. *The Congress of Berlin and after: A Diplomatic History of the Near-Eastern Settlement, 1878-1880*. London: Methuen.. 442 p.

Methodieva M. 2021. *Between Empire and Nation: Muslim Reform in the Balkans*. Stanford University Press. 344 p.

Novotny A. 1957. *Quellen und Studien zur Geschichte des Berliner Kongresses 1878*, Bd. 1. Österreich, die Türkei und das Balkanproblem im Jahre des Berliner Kongresses, Graz-Köln. 16 s.

Beskrovnyj L.G. 1977. Ot San-Stefano do Berlinskogo kongressa (k diplomatičeskoj istorii rusško-turečkoj vojny 1877-1878 gg.) [From San Stefano to the Berlin Congress (on the Diplomatic History of the Russian-Turkish War of 1877-1878)]. *Mezhdunarodnye otnošenija i vneshnyaya politika SSSR*. Moscow. P. 138-149. (In Russian)

Vinogradov V.N. 1991. *Britanskij lev na Bosfore* [The British Lion on the Bosphorus]. Moscow: Nauka. 167 p. (In Russian)

Vitol A.V. 1973. Turciya i evropejskie derzhavy na Berlinskom kongresse (1878 g.) [Turkey and the European Powers at the Berlin Congress (1878)]. *Tyurkologičeskij sbornik*. Moscow. P. 121-142. (In Russian)

Zadohin A.G., Nizovskij A.Yu. 2000. *Porohovoj pogreb Evropy* [The Powder Magazine of Europe]. Moscow: Veche. 416 p. (In Russian)

Zolotarev V.A. 2005. *Protivoborstvo imperij. Vojna 1877-1878 gg. apofeoz vostočnogo krizisa: Animi Fortitudo* [The Confrontation of Empires. The War of 1877-1878. The Apotheosis of the Eastern Crisis: Apimi Fortitudo]. Moscow. 567 p. (In Russian)

Narochnickij A.L. 1976. Balkanskij krizis 1875-1878 godov i velikie derzhavy [The Balkan Crisis of 1875-1878 and the Great Powers]. *Voprosy istorii*. №11. P. 32-52. (In Russian)

Rediger A.F. 1999. *Istoriya moej zhizni. Vospominaniya voennogo ministra* [The Story of my Life. Memoirs of the Minister of War]. T. I. Moscow: Kanon-press; Kuchkovo pole. 576 p. (In Russian)

Chernov S.L. 1984. *Rossiya na zavershayushchem etape Vostochnogo krizisa 1875-1878 gg.* [Russia at the Final Stage of the Eastern Crisis of 1875-1878.]. Moscow: MGU. 144 p. (In Russian)

Список литературы на русском языке

Бескровный Л.Г. 1977. От Сан-Стефано до Берлинского конгресса (к дипломатической истории русско-турецкой войны 1877-1878 гг.). *Международные отношения и внешняя политика СССР*. Москва. С. 138-149.

Виноградов В.Н. 1991. *Британский лев на Босфоре*. Москва: Наука. 167 с.

Витол А.В. 1973. Турция и европейские державы на Берлинском конгрессе (1878 г.). *Тюркологический сборник*. Москва. С. 121-142.

Задохин А.Г., Низовский А.Ю. 2000. *Пороховой погреб Европы*. Москва: Вече. 416 с.

Золотарев В.А. 2005. *Противоборство империй. Война 1877-1878 гг. апофеоз восточного кризиса: Animi Fortitudo*. Москва. 567 с.

Нарочницкий А.Л. 1976. Балканский кризис 1875-1878 годов и великие державы. *Вопросы истории*. №11. С. 32-52.

Редигер А.Ф. 1999. *История моей жизни. Воспоминания военного министра*. Т. I. Москва: Канон-пресс; Кучково поле. 576 с.

Чернов С.Л. 1984. *Россия на завершающем этапе Восточного кризиса 1875-1878 гг.* Москва: МГУ. 144 с.